

A movie poster for the film 'Ande'. The central image shows a man and a woman in a romantic embrace, nearly kissing. The woman has long, flowing red hair and wears a shimmering blue gown. The man has long red hair and wears a dark, patterned shirt and trousers. They are standing in a grand, ancient temple with large columns. The background is filled with intense fire and smoke, with a white statue visible in the distance. The overall color palette is dominated by reds, oranges, and blues.

АНІОТА СОКОЛОВА

АНДЕ

ОГОНЬ, СВЕТ, ЖИЗНЬ.

18+

Анюта Соколова

Андэ. Огонь, свет, жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70126720

SelfPub; 2023

Аннотация

Лика невероятно счастлива: завтра она пересечёт пролив и своими глазами увидит Деон – загадочную страну-материк, посетить которую могут лишь избранные. Для осуществления заветной мечты Лика готова на что угодно, даже на фиктивный брак. Тем более, что замужество предлагает человек, в которого она давно и безответно влюблена. Но её радость не разделяет таинственный гость, который приходит к ней накануне отъезда. Он утверждает, что «чужая новобрачная» погубит мир, и умоляет Лику остаться дома.

Анюта Соколова

Андэ. Огонь, свет, жизнь

Всё в мире из огня. Мир есть, был и будет вечным огнём, мерами затухающий и мерами возгорающийся.

Гераклит Эфесский

Для счастья мне нужны всего две вещи: Деон и Вирт Керн.

В Деон я влюблена с детства, и не так, как большинство людей в Аризе: «Ах, закрытое государство-материк! Ах, сплошные загадки! До чего интересно!» Ещё в школе я начала по крупицам собирать всё связанное с этим миром, изучать его язык, историю, культуру. После смерти моих родителей Деон превратился в единственную отдушину, наверное, никто не мечтает побывать там с той же силой. Я свободно читаю, пишу, говорю и даже думаю на деонском языке! Правильнее сказать, на двух языках, потому что высокий диалект деонского, на котором положено общаться с адёном, правителем Деона, очень сильно отличается от основного. Взять хотя бы обращения деонцев друг к другу – «ма́сте» и «ма́ста». Вроде бы это наши «господин» и «госпожа», так их и переводят. А на высоком языке слово «ма́сте» означает «избранный» или «избранник», огромная разница.

Конечно, теперь увлекаться Деоном модно. Шесть лет назад наши таинственные соседи неожиданно первыми пред-

ложили принимать на своей территории туристов из-за пролива. До этого между нашими государствами существовало вялое подобие торговли, а о посещении Деона можно было лишь мечтать, настолько строго он охранял свои секреты. Представляю, как удивились в правительстве Ариза, а в ответ на осторожные расспросы слышали – так велел А́нда. Бог Деона, и довольно грозный. Деонцы указаниям собственного бога не сильно обрадовались, но подчинились, правда, заранее оговорили: отбирать туристов будут они сами. Требования жёсткие, порой нелепые, однако выполнимые. И мне невероятно повезло, потому что завтра исполнится мечта всей моей жизни – я отправляюсь в Деон.

А о Вирте я и не мечтаю – бессмысленно. Он мне не жених, не любовник и не друг. Просто коллега, один из сотен молодых и многообещающих сотрудников нашего института, привлекательный зеленоглазый блондин с обаятельной улыбкой. Когда я не вижу его день, начинаю грустить. Через несколько дней утрачиваю интерес к исследованиям и читаю Роне, моей помощнице, стихи на высоком диалекте деонского, от которых она прячется в подсобке. Спустя неделю на меня нападает вселенская тоска, я начинаю путать ингредиенты, и вместо положенных образцов умной посуды у меня выходят то миски на ножках, то тазики с хвостами. В этом случае уже Рона бежит за мной и уговаривает выпить чашечку крепкого чая с печеньем. Чай я послушно пью, но лучше мне от этого не становится. Вирт нравится всем де-

вушкам без исключения, и мои шансы завоевать его сердце равны даже не нулю – минус единице. Я заурядная, скучная, ничем не примечательная девица, причём не слишком юная. Двадцать шесть лет – много или мало? Директор нашего института, господин Берк, который этой весной справил полувековой юбилей, скажет с улыбкой, что я ещё дитя. Восемнадцатилетняя Рона считает, что я древняя старуха и, если не выйду замуж немедленно, так и помру старой девой.

Уныло вздыхаю и засыпаю ядовито-синий порошок в воронку преобразователя. Вещество за смотровым окошком медленно наливается бордовым, затем вспыхивает. Внутри оказывается премилая кастрюлька, только на месте обыкновенных ручек у кастрюльки руки весёленького голубого цвета с длинными гибкими пальцами. Одна из рук приветливо машет мне, вторая грозит кулаком. С опаской отправляю кастрюльку в утилизатор, по пути она умудряется соорудить мне кукиш.

Нет, это никуда не годится! Так дойдёт до того, что я сотворю полную ерунду и ни в какой Деон не попаду, – придётся отвечать за срыв сроков. Под жужжание утилизатора я достаю список, который постоянно ношу с собой: необходимые для поездки вещи. Костюм, брюки, блузка, туфли, вторые на смену... Вечернее платье безжалостно вычёркиваю – вчера нас предупредили, что деонцы ограничили багаж каждого туриста десятью станами. Это уже третье послание за последнюю неделю, которое присылает адэн.

Требования деонцев порой вызывают смех, а иногда и слёзы. Как то, первоначальное, в котором адэн ограничил возраст – не моложе двадцати пяти и не старше тридцати лет. Половина желающих попасть в Деон рвали волосы на голове и всерьёз задумывались о подделке документов. Право, какая разница, тридцать лет человеку или тридцать с половиной? Но, когда большинство кандидатов решились «помолодеть» на год-другой, наш директор пригласил сотрудников на лекцию о Деоне. Идти не хотели до тех пор, пока не узнали, кого господин Берк попросил быть лектором, – тогда помчались все, еле втиснулись в актовЫй зал. Сидели на подоконниках, вжимались друг в друга, стояли на одной ноге. Ещё бы – сам Барт Мерт, посол Ариза в Деоне! Единственный, кто получил постоянный допуск на территорию закрытого государства и живёт там почти тридцать лет. Ожидали чопорного пожилого человека, а увидели совсем молодого парня, вылитого деонца – смуглого, ярко-рыжего, с уникальным цветом глаз – золотым, словно расплавленный металл. Даже растерялись: не ошибка ли?

Всё прояснилось во время лекции. Господин Мерт объяснил, что в Деоне особое излучение – любой человек, который находится там больше месяца, начинает меняться. Кожа приобретает цвет бронзы, радужка сияет золотом, волосы отливают медью. Изменения необратимы, отсюда и ограничения по сроку пребывания. Подделывать документы бессмысленно – деонцы видят возраст человека с точностью до месяца,

к тому же они чувствуют ложь. Господин Вейс, известный на весь институт бабник, разволновался: как так? Неужели жены всегда знают, когда муж гуляет? Мерт расплылся в улыбке – вы, мол, плохо представляете, что такое деонские браки. Супруги связаны Андой, чувствуют все эмоции друг друга и на сторону совсем не смотрят.

После этой лекции рвущихся в Деон поубавилось. Затем поступили следующие требования: обязательное знание языка, отсутствие вредных привычек, стрессоустойчивость, коммуникабельность, неконфликтность... По институту поползли шуточки, что посещения Деона удостоятся лишь ангелы во плоти. Я молча радовалась, что за исключением безответной влюблённости в Вирта у меня нет дурных привычек, а психика настолько устойчивая, что даже Рона завидует.

Дверь за моей спиной открывается, я оборачиваюсь и от неожиданности раньше времени дёргаю дверцу преобразователя. На пол вываливается хорошенькая вазочка с ушами. Мне не до испорченного опыта: на пороге Вирт собственной персоной, в зелёном рабочем халате и обязательной сеточкой на волосах.

– Лика! – радуется он. – Здорово, что ты здесь!

Интересно, а где мне ещё быть, как не в моей лаборатории? Вслух я этого не произношу, поскольку немею от счастья.

– Ты же хочешь поехать в Деон? – вкрадчиво спрашивает

Вирт.

Хочу ли я! Будь на моём месте Рона, она обязательно ответила бы: «Да ты издеваешься?! Я месяц сплю в обнимку с толстенной инструкцией для туристов!» Но почему-то в присутствии Вирта у меня язык прилипает к нёбу и сердце бьётся как заполошное. Только хлопать ресницами и могу, подтверждая репутацию не слишком сообразительной девицы.

– Очень, – с трудом выдавливаю я.

– Вот и отлично! – Вирт расплывается в улыбке. – Значит, мы договоримся. Пять минут назад Мила проболталась мне, что пришло новое послание из Деона. Представь: этот ненормальный адэн потребовал, чтобы все туристы были женатыми людьми. Берк пока не в курсе, он в управлении и должен вернуться в конце рабочего дня. Скорее всего, тогда и объявит.

Застываю на месте. Мила – вездесущий секретарь директора, расторопная особа, которая всегда и обо всём осведомлена лучше самого господина Берка. Надеяться на то, что она ошиблась, не приходится. Я не замужем и не попаду в Деон. Все мои мечты впустую.

– И я подумал – кто мешает оформить фиктивный брак? Расписаться в мэрии, получить свидетельство, а через месяц спокойно развестись – не сошлись, мол, характерами. И условие выполнено, и врать деонцам не придётся.

От растерянности не могу подобрать слова.

– Вирт, но это же нужно меньше чем за три часа найти

подходящего человека.

– Ли́ка, так поэ́тому я и прише́л к тебе, – поясняет он как нечто само собой разумеющееся. – Ты ведь не откажешься выйти за меня замуж?

Ох... Словно кислотой из пробирки на грудь плеснули. Больно до того, что дыхание перехватывает. Заветную фразу, которую полагается произносить на коленях вместе с признанием в любви и обручальным кольцом, услышать как деловое предложение от человека, даже не потрудившегося снять с себя рабочий халат.

– Всего на месяц, – быстро добавляет Вирт. – Другую девушку я побоялся бы просить, вообразит себе невесть что, потом не отвяжется. А ты серьёзная, скромная, кроме Деона ничем не интересуешься, и внешность у тебя подходящая. Вполне миленькая, чтобы я испытывал симпатию, которую почувствуют деонцы с их сверхспособностями и чтением мыслей.

Молчу и рассматриваю носки своих новых туфель. Нарядные, тёмно-голубые, в цвет глаз. Славненькие туфельки для миленькой девушки. Вирт воспринимает моё молчание за согласие.

– Вот и отлично, Ли́ка! Через полчаса жду тебя у мэрии. О кольцах не беспокойся, у меня где-то лежат родительские. – Он бесцеремонно берёт мою правую руку. – Надо же, какие у тебя пальцы тонкие, не ожидал – с твоим-то ростом! Женское кольцо тебе будет велико, но лишь бы не свалилось во

время церемонии. Главное, к тому моменту, когда Берк огласит условие, мы будем уже женаты.

Вирт не дожидается ответа, посылает мне воздушный поцелуй и убегает. Рассеянным взглядом обвожу лабораторию. Ушастая вазочка валяется неприкаянная на полу с таким несчастным видом, что её становится жаль. Но в Аризоне строгие законы: любое некачественное экспериментальное создание немедленно уничтожается. Поэтому я поднимаю вазочку и заталкиваю в утилизатор. Под ровное жужжание прибора мне кажется, что это моё сердце расщепляют на частицы и превращают в пыль.

Обидно не тогда, когда твоя мечта не сбывается, а когда она сбывается так, что хочется плакать.

***

– Распишитесь здесь, госпожа Керн, – сухой желчный регистратор подсовывает мне документ и тычет пальцем в положенную строчку. – Теперь вы, господин Керн... Где квитанция об оплате пошлины? Поздравляю, вы муж и жена. Следующие!

Недоверчиво смотрю на собственную корявую роспись, затем перевожу взгляд на безымянный палец. Как и прежде Вирт, простое тонкое колечко свободно ходит туда-сюда. Вот и вся свадьба: минутная дежурная речь, обмен кольцами и две закорючки.

– Чудно! – потирает руки мой свежеиспечённый супруг. – Хорошо, что в наше время нет ни испытательных сроков, ни обязательного присутствия свидетелей. Пришёл, заплатил налог – и всё оформлено.

Кошусь на него обиженно. Не соизволил даже переодеться, спасибо, что снял халат и сетку с волос. Понятно, что брак фальшивый, но хоть какое-то уважение должно быть. Я успела забежать домой, благо живу рядом с институтом, надеть лучшее платье и соорудить из жёстких бесцветных волос некое подобие причёски. Только оценить мои старания некому: родных у меня нет, друзей тоже. Наверное, я сама виновата – ничего, кроме Деона, вокруг себя не замечаю.

– Возвращаемся в институт? – спрашиваю очень тихо.

Может, Вирт хотя бы в ресторан меня пригласит? Времени достаточно.

– Ты иди. – Он отдаёт мне свидетельство о браке. – Раз я в центре, заодно улажу пару дел. Увидимся на собрании. Представляю выражения лиц тех, кто пролетит с Деоном из-за новых требований!

Иду. В дверях сталкиваюсь с молодой парой – принаряженный жених с цветком в петлице и сияющая невеста с пышным букетом в руках. Вирт мог хотя бы одну гвоздичку мне преподнести – в знак благодарности... Тут я даю себе мысленного пинка.

Он предложил – я согласилась. Не обманывал, не притворялся влюблённым. Деловое соглашение. Вирт же не знает,

что я два года на него люблюсь украдкой. И потом, начини я корчить из себя принципиальную – что тогда? Прощай Деон, все мои планы, мечты, надежды. Закрытое государство лишь раз в месяц принимает небольшую группу туристов, за эту честь соревнуются все крупные учреждения Ариза, и в прошлом месяце победил наш институт. Пролечу сейчас – какова вероятность, что когда-нибудь мне ещё раз удастся попасть в список претендентов? И опять проходить экзамены на знание языка, медицинские обследования, тесты с психологами? О-ё-ёй, вспоминать страшно! Не говоря уже о том, что замуж я точно не выйду – конечно, если Вирт не увлечётся мной по-настоящему, а на такое надежды мало.

Я всегда понимала, что никакого совместного будущего у меня с Виртом быть не может. Слишком мы разные. Мне нравятся тишина, одиночество, старые визокарты, книги и неспешные прогулки по парку. У Вирта в друзьях половина института, он компанейский, общительный, слушает популярную музыку. Мелодия на его визуале – песня группы «Чёртово копытце», от которой меня наизнанку выворачивает. Только сердцу не прикажешь. Как увидела его в институте два года назад – пропала. Первая не заговаривала, заигрывать не осмеливалась, страдала молча и издали. И теперь – жена... на месяц.

Зато я поеду в Деон. Своими глазами увижу то, о чём остальные могут лишь прочитать в книгах. А изображений Деона вовсе нет, там нельзя делать снимки и визозаписи. На

все вопросы «почему?» у деонцев один ответ: запрещено. Господин Берк как-то в сердцах выразился в том духе, что Деон искусственно нагнетает таинственность и злорадно хихикает. Сами посудите: мир у нас един, небо общее, солнце одно. Облака плывут беспрепятственно, океан одинаково омывает берега. Два материка, Ариз и Деон, отделены проливом, который носит гордое название Великий. Через пролив ходит паром, разумеется деонский. Огибать Деон по воде и подходить с другого берега строго возбраняется, были такие случаи сто лет назад, когда корабли Ариза начали плавать на любые расстояния. Тогда дело чуть войной не закончилось. Спрашивается, что они скрывают? У нас горы – и у них горы, там лесá – и здесь лесá. В лесах и горах не чудовища, а обычные звери: волки, лисы, медведи. Конечно, книг о Деоне очень мало, но не может такого быть, чтобы соседние материки сильно отличались.

Предвкушение поездки помогает справиться с неприятным осадком от фиктивного брака. Правильно я согласилась. На наших с Виртом отношениях этот месяц никак не скажется, да и отношений у нас никаких нет. Благоговейное обожание с моей стороны – и полное равнодушие с его. Зато теперь я наконец-то осуществлю свою заветную мечту. К институту я подхожу полностью успокоившаяся. У меня неплохая работа, впереди вся жизнь, и завтра утром я отправлюсь в загадочный манящий Деон. А Вирт... что Вирт. Буду дальше любоваться им на расстоянии. Вернёмся, разведёмся, как-

нибудь переживу.

В приподнятом настроении мне удаётся создать то, что не получалось утром, – новый образец «умной помощницы». Кастрюлька кажется обычной, но сама пододвигается, если ты в неё что-то наливаешь или насыпаешь, время от времени встряхивается, словно собачка, чтобы еда варилась равномерно, приоткрывает крышку, выпуская пар, и сходит с огня, едва содержимое начинает пригорать. Я даже достаиваюсь скупой похвалы Роны. Естественно, это не ваза с ушами и не наглая посуда, показывающая кукиши.

Без пяти шесть по громкой связи господин Берк приглашает в актовый зал счастливых, соответствующих строгим требованиям Деона. Рона тоже идёт со мной, и не она одна: любопытных и тех, кто по каким-то показателям не прошёл отбор, набирается не меньше сотни. Господин Берк хмур и озабочен. Не хотела бы я оказаться на его месте: представляю, какой сейчас поднимется шум. После второй чистки в списках претендентов осталось тринадцать человек. Сколько из них женатых и замужних? Притом что в Аризоне никто не стремится обременять себя семьёй слишком рано.

– Доброго вечера, уважаемые господа, – осторожно, баском начинает Берк. – Как вам всем известно, в этом месяце наш институт заслужил высокую честь отправить группу представителей в Деон. К сожалению, адэн Деона выставил некоторые условия...

– Некоторые? – выкрикивает с места господин Гриз. – Да этот адэн ненормальный! Деонский язык без акцента – учитывая, что мы учим его по книгам и ни с одним живым деонцем не разговаривали!

Согласна. В учебниках есть транскрипция, но вряд ли она заменит живую речь. Откуда мы знаем, правильно ли произносим слова?

– И на кой чёрт нам коммуникабельность? – поддерживает Грiza госпожа Лёрк. – Если нас всё равно держат в гостинице Грода, словно деток в манеже, а выпускают только под присмотром? Кого ни спроси – шагу без провожатого не дадут сделать.

Господин Берк смущённо откашливается и продолжает:

– Сегодня адэн прислал ещё одно требование...

Конец фразы тонет в общем возмущённом гуле.

– Что на этот раз? – язвительно спрашивает Рона. – Туристы должны быть ростом не ниже ста семидесяти иёнов? Родиться в полнолуние? Иметь родинку в форме полумесяца на левой ягодице?

Смеюсь даже я. Визокартину «Девушка с родинкой» не смотрели только самые отъявленные зануды.

– Нет, – Берк прячет взгляд. – Все члены группы должны состоять в законном браке.

На секунду в зале наступает гробовая тишина.

– А это-то зачем? – раздаётся жалобный голос господина Сёрса, убеждённого холостяка. До тридцатилетия ему оста-

лось два месяца, и он неоднократно во всеуслышание прославлял это обстоятельство.

Берк разводит руками.

— За чем дело стало? — хмыкает госпожа Ренк, тощая и мрачная девица из отдела кадров. — Дорогой Свен, мы с вами вполне успеем дойти до мэрии. Слава богу, в Аризе женят быстро.

Судя по побледневшему лицу господина Серса, он на грани обморока, тем не менее смотрит на часы: четверть седьмого, мэрия закрывается в восемь.

— Извините... — Несчастливым выражением лица Берк напоминает мне ушастую вазочку. — Уточнённые списки я должен подать ровно в шесть тридцать. Сегодня. Поэтому попрошу остаться лишь тех претендентов, которые отвечают требованиям Деона.

Ругательство, которое вырывается у госпожи Ренк, заставляет мужчин присвистнуть, а меня покраснеть.

— Это издевательство! — переводит на человеческий язык эмоции Ренк господин Серс. — Деонцы форменным образом над нами глумятся!

— Они хозяева положения, — угрюмо отвечает Берк. — Мы не можем с ними спорить. Радуйтесь, что с нас и впрямь не потребовали родинки на заднице. Простите, уважаемые господа. Итак, те, кто до сих пор не утратил желание провести месяц в Деоне и проходят по критериям этих... разборчивых хозяев — подойдите ко мне.

Шагаю вперёд.

– Лика, а ты куда?! – возмущённо вопит Рона. – Насколько я в курсе, у тебя мужа нет!

Вместо ответа я показываю ей кольцо.

– Уже есть.

– Позвольте, госпожа Нерс, – оживляется Берк. – У вас и свидетельство о браке имеется?

– Теперь я госпожа Керн, – протягиваю ему документ. – Всё законно.

За моей спиной возникает довольный Вирт, собственнически приобнимает меня за плечи. Ловлю завистливый взгляд Роны и опускаю голову.

– Надеюсь, деонцы ничего не написали относительно того, когда заключён брак?

– Нет, – светлеет Берк. – Кто ещё остаётся?

Кроме нас с Виртом набирается пять человек. Имя господина Скара Кеста я слышу впервые, самого видела всего пару раз. С полной жизнерадостной хохотушкой Лброй Менс знакома, но не близко. Симпатяга Рейк Пенс, кажется, из наших аналитиков. Властная и резкая в суждениях Рйта Шелн – особа до того неприятная, что я искренне сочувствую господину Шелну. Удивительно, но к нам присоединяется Кнут Увер, признанный красавчик и сердцеед – вот уж про кого никогда не подумала бы, что он женат.

– Шесть – господин Вирт Керн, семь – госпожа Лика Керн, – Берк вносит имена в новый список. – Прекрасно!

Управление прикладных наук в прошлом месяце смогло отправить в Деон всего пятерых.

Соперничество между нашим институтом и управлением – тема для бесчисленных шуток. Меня распирает гордость за то, что мы утёрли задавакам нос.

– Сбор завтра в восемь утра у центрального входа. Пожалуйста, не опаздывайте! Деон пришлёт специальный автобус, который доставит вас до парома. Помните про ограничения по весу – не более десяти станов! Иначе ваш багаж придётся оставить, времени на распаковку и перевешивание не предусмотрено.

Берк сдвигает кустистые брови, стараясь придать добродушному лицу грозный вид.

– Вы – уважаемые ответственные люди, которым выпала высокая честь представлять в Деоне нашу страну. По вам станут судить обо всех аризцах. Не начинайте свою миссию с конфликтов. Ваша задача – налаживать добрососедские отношения, а не провоцировать хозяев на скандалы.

– Марк, неужели у меня одного ощущение, что деонцы нарываются на грубость? – не выдерживает Кест. – Посмотри – они только тем и занимаются, что вставляют нам палки в колёса. Это не так, то не эдак. Инструкцию выдали на семи-десяти листах – чего ни в коем случае нельзя делать во время пребывания в Деоне. Рона права: их требования необоснованны и высосаны из пальца! Сказали бы честно: не хотим видеть людей на своей территории, – и торговали бы мы с

ними через посольство, как раньше. Но они же вроде сами приглашают, создают все условия, однако получается словно в анекдоте: мы вас так любим, что хотим скушать подольше.

Госпожа Менс хихикает и прикрывает рот пухленькой ладошкой.

– Скар, ты хочешь отказаться от поездки в Деон? – прищуривается Берк.

– Разумеется, нет! – быстро идёт на попятный Кест. – Но...

– Вот и славно, – Берк предпочитает не заметить продолжения. – Тогда всем доброго вечера!

Вирт провожает меня – несомненно, чтобы придать правдоподобности нашему браку. Раньше я растаяла бы от счастья, сейчас мне грустно и неловко. Мучает не поступок Вирта – в конце концов, только благодаря его предложению мы едем в Деон, – а сознание того, что теперь он против желания вынужден изображать мужа. Едва мы заходим за угол и пропадаем из поля зрения любопытных коллег, Вирт спешит попрощаться. Я тоскливо слежу, как он удаляется. Высокий – почти два риёна, плечистый, статный – мой идеал. Терпеть не могу ни коротышек, ни дохляков. С моими семьдесятю тремя иенами низкий парень рядом смотрится просто глупо, не говоря о том, что туфли на каблуке уже не наденешь. А лентяев, которым недосуг накачать мускулы, вообще стороной обхожу.

Вздыхаю и бегу домой – сколько всего надо успеть!

Вещи я собираю строго по списку и тщательно укладываю в чемодан. Заранее купила небольшой, чтобы не было искушения взять лишнее. Рядом кухонные весы ровно на десять станов. Самую тяжёлую одежду надо надеть на себя – ничего, что на улице почти лето, как-нибудь потерплю. Куртку потом можно снять и перекинуть через руку – против этого, надеюсь, деонцы возражать не будут? Тапочки, халаты и средства гигиены нам выдадут, об этом говорилось в инструкции. Всякие мелочи и визуал рассовываю по карманам. Взвесив чемодан, я с радостью добавляю туда нарядную шифоновую блузку и косметичку – на всякий случай. Например, нас примет адэн Деона... Очень хочется посмотреть на человека, придумавшего все издевательские требования для туристов! А что? Я даже поговорить с ним могу – на высоком языке! Заодно убедиться – вдруг он действительно ненормальный? Какое значение имеют семейное положение или несколько лишних станов?!

Чтобы совсем не волноваться, беру чемодан за ручку и иду к соседке по этажу. Пусть она и выглядит словно шарик на ножках, только добрее и отзывчивее её я никого не знаю. Соседка одинока, муж у неё то ли умер, то ли его и не было никогда. Сын давно переехал далеко на север Ариза, раз в месяц проверяет мать по визуалу и зовёт к себе – она от-

казывается и уговаривает его вернуться в столицу. Мы взвешиваем чемодан ещё раз: девять станов и семьсот восемьдесят девять танов. Уложились!

Соседка предлагает выпить чаю. Чай я готова пить в любой ситуации, но сейчас почти не чувствую вкуса. Всё перекрывает возбуждение – и от предстоящего путешествия, и от скоропалительного брака. Тонкий ободок колечка не даёт забыть о том, что пусть всего на месяц, однако теперь я госпожа Керн. Закрадывается мысль: а вдруг в Деоне Вирт разглядит, что я не просто «миленькая», но и интересный человек, личность? Я, между прочим, пятнадцать лет высокий деонский учила, теперь стихи на нём пишу. Может, в Аризе, кроме меня, этот диалект и не знает никто. Когда-то я еле нашла учебники – старинные, их на руки не выдавали, пришлось ходить в государственную публичную библиотеку и переписывать. Вдобавок я замечательно готовлю – двухлетние итоги тестирования «помощников на кухне». Подвернулась бы мне возможность угостить Вирта собственноручно испечёнными блинчиками или сырниками с изюмом – он бы сразу взглянул на меня иначе. Хотя кто пустит туристку на кухню в гостинице, где мы будем жить... обидно.

Благодарю соседку и возвращаюсь домой, чемодан на колёсиках катится за мной словно послушный пёсик. Лучшее средство унять тревогу – заняться делом. Решаю привести в порядок свои записи по проекту, отошлю потом Роне. Подробные указания своей помощнице я оставила, и всё же це-

лый месяц ей придётся справляться самостоятельно.

Мои благие намерения перечёркивает требовательный звонок в дверь. Кошусь на часы: половина двенадцатого, почти ночь, поздновато для гостей. Не иначе соседка испекла свою вкуснейшую ватрушку с цукатами и хочет угостить напоследок. Она всё время твердит мне, какая я худенькая и бледненькая, хотя, по мнению Роны, меня нужно не кормить месяц, а ещё лучше – два. На попытку объяснить, что у меня комплекция такая, кости широкие, Рона презрительно оттопыривает нижнюю губу. Ей-то хорошо, она тонкая и изящная. Я, по её мнению, слишком рослая, плотная, грубоватая и блёклая, к тому же безнадёжно скучная и закомплексованная. Конечно, она не говорила мне об этом в лицо, я нечаянно услышала её болтовню с подругой по визуалу.

Открываю дверь как была – в куцем пушистом халатике выше колен и домашних тапочках в виде медвежат. Тапки подарила мне соседка на зимние праздники, а халатик старенький, заношенный, но такой мягкий, что расставаться с ним не хочется. Однако человек на пороге заставляет меня пожалеть о собственной беспечности. Во-первых, тем, что это не человек, а деонец – золотоглазый, бронзовокожий, медноволосый, яркий настолько, что на его фоне моя скромная прихожая моментально тускнеет. Во-вторых, он строго и изысканно одет – в элегантный костюм цвета жжёного сахара. В-третьих, в его взгляде откровенное потрясение. Очевидно, в Деоне тапочки с медвежатами не носят.

– Доброго вечера, – справляется он с изумлением. – Маста Лика Керн?

Удивительно слышать обращение «маста» применительно к себе!

– Да, это я. – Мне так легко подавить удивление не удаётся. Спыхватываюсь и вспоминаю о вежливости: – Доброго вечера, проходите, пожалуйста!

– Благодарю вас.

– Не хотите ли чаю? Или, может быть, сока?

Дословно – «фруктового отжима». Для овощного сока есть своё название.

– Сока, – соглашается он. – Эсút.

Один из шести вариантов деонского «спасибо». Простое спасибо – «итэн», а «эсут» дополнительно означает «хорошо» и «если вас не затруднит». Я жадно ловлю каждое слово, произнесённое деонцем.

– Моё имя Сэртилайр, – представляется гость.

Лайр – третий Великий Дом, покровитель – орёл. У каждого Дома своё традиционное приветствие-пожелание.

– Пусть Анда пошлёт вам неутомимые крылья, масте Сэртилайр.

– О! – Сэрт (фактически это и есть его имя, остальное приставка, обозначающая принадлежность к Дому) польщённо улыбается. – Маста Керн не только вежлива, но и разбирается в наших традициях. Мне искренне жаль, что цель моего визита вас расстроит.

Всё то время, пока достаю из холодильника сок и наливаю в стакан, я мучительно соображаю – что он имеет в виду? Всё-таки, когда учишь язык по книгам, легко перепутать значение слов, хотя пока я особой разницы в произношении не заметила, гласные деонец растягивает, «эр» приглушает. Вот двойную «эн» он произносит словно один звук, надо запомнить.

Сэрт берёт стакан из моих рук с таким благоговением, словно я угостила его не грушевым соком, а дорогим марочным вином. Пьёт маленькими глоточками и с явным удовольствием. Рассматриваю его, стараясь делать это поделikatнее. Красивый мужчина. Обычно у рыжих людей на лице веснушки, а ресницы и брови соответствуют цвету волос. Но у деонца ровная чистая кожа, тонкие тёмные чёрточки бровей, будто выщипанных пинцетом, и тёмные загнутые вверх ресницы. Идеальную внешность немного портит нос – я не любительница горбинок, однако, стоит признаться, Сэрт очень и очень привлекателен.

– Маста Керн, прошу вас – откажитесь от посещения Деона.

Замираю в замешательстве. Может, я ослышалась? Или неправильно перевела?

– Отказаться? В смысле, от туристической поездки?

– Именно, – подтверждает Сэрт.

– Почему?

Деонец избегает смотреть мне в глаза.

– Если я скажу вам, что всё дело в пророчестве, вы же мне не поверите? Но врать вам я не хочу. Я проводник Анды, только что он снизошёл до откровения. «Чужая новобрачная потрясёт мир...» Вы ведь вышли замуж сегодня?

– Да, – я потихоньку справляюсь с волнением. – Масте Сэртилайр, простите... Сколько в Аризе новобрачных? Почему вы решили, что это именно я? И что значит – потрясёт? Потрясения бывают и в хорошем смысле!

Он долго молчит. Подбирает выражения?

– Ариз и Деон слишком разные, маста Керн. У вас религия давно стала одним из пережитков – насколько мне известно, в бога вы не верите, в храмах не молитесь, даже браки вы заключаете, просто ставя подпись на документах. Для нас Анда более чем реален. Аризцы считают, мы надменны и нарочно нагнетаем таинственность. На самом деле всё не так. Я иду против воли Анды, только иначе моя совесть не даст мне спокойно жить дальше. Вы кажетесь мне разумной девушкой, пожалуйста, оставайтесь в Аризе!

Конец фразы больше напоминает стон. Я понимаю – Сэрт искренен.

– Масте Сэртилайр, вы не могли бы выразиться яснее? Мне не хочется доставлять вам неприятности, но вы просите меня отказаться от поездки, о которой я мечтала всю жизнь. Возможно, если вы объясните мне, каким образом одна заурядная аризка повлияет на будущее целого мира, я с вами соглашусь. Пока же я вижу одно невнятное пророчество, ко-

торое, быть может, вообще относится не ко мне.

– К вам, – упрямо настаивает Сэрт. – Как вы думаете, почему я вас нашёл? Анда указал мне путь.

Не божество, а прямо навигатор какой-то!

– И Анда попросил вас явиться и угрожать мне?

– Я не угрожаю, – тихий вздох. – Я прошу, умоляю. Мир стабилен, Ариз и Деон в хороших отношениях, пусть всё останется так.

Отвожу взгляд. Невероятность происходящего мешает здраво соображать. Допустим, сейчас я поддамся благородному порыву, а потом выяснится, что Сэрт безумен и сбежал из-под надзора. Сумасшедшие тоже искренне верят во всякий вздор. У меня же второго шанса попасть в Деон не будет. Сэрт опять вздыхает.

– Что ж... Я должен был хотя бы попытаться. Всего доброго, маста Керн.

Вскидываю голову – и окончательно теряюсь. В квартире никого нет. Пустой стакан из-под сока на столе – единственное напоминание о том, что деонец мне не померещился. Выскакиваю в прихожую, проверяю замок на двери – нет, закрыто. Мистика!

Половину ночи я листаю редчайшую книгу толщиной с мою руку – мемуары Тито Греса, посла Ариза в Деоне. Почтенный господин Грес жил более тысячи лет назад, его труд написан на деонском, а содержание сомнительно. Учёные придерживаются мнения, что в весьма преклонные годы по-

сол перемешал в своих воспоминаниях явь и мифы, поэтому книгу считают сборником сказок. Но я упорно ищу строчку, которую раньше считала вымыслом, таким же, как создание предметов из воздуха и исцеление ран наложением рук.

«Анда даёт человеку силу, с помощью которой можно с лёгкостью перенестись из одной точки в другую. Ты расщепляешь себя на частицы и вновь собираешь за тысячи триёнов от того места, где находился...»

А если господин Грес не выжил из ума и описывал реально существующее явление?! И легенды на самом деле вовсе не легенды? Как-то же исчез Сэрт из моей квартиры? Мысли не дают мне заснуть, и я долго ворочаюсь с боку на бок. Затем всё же засыпаю с книгой в обнимку и вижу во сне сияющий поток энергии, который несёт меня над океаном.

***

Утром я ожидаемо зеваю с риском вывихнуть челюсть. В зеркале отражается помятая хмурая физиономия. Веки припухли, на щеке отпечатался след от книги. Холодный душ помогает лишь отчасти, волосы после быстрой сушки встают дыбом. Их тусклый соломенный цвет усиливает сходство с охапкой сена на голове. Красотка, ничего не скажешь! Такая не очарует, а отпугнёт, причём наверняка и навсегда.

Звонок в дверь звучит громом. Неужели опять Сэрт? Но за дверью Вирт – отвратительно свежий и бодрый. При виде

меня его лицо вытягивается.

– Лика?... Что это с тобой? Ужасно выглядишь.

Раньше я начала бы оправдываться, рассказывая про визит деонца и мои ночные изыскания. Сейчас невольно отмечаю: деликатность к достоинствам Вирта явно не относится.

– Не выпалась. Откуда ты знаешь мой адрес?

– Мы же вчера заявления в мэрии заполняли... Ты нормально себя чувствуешь? Я подумал, будет лучше, если в институте мы появимся вместе. Такси ждёт внизу, где твой чемодан?

– Зря беспокоился. Уверена, все и так понимают, что наш брак – фальшивка. – Дурное настроение заставляет говорить правду.

Тем не менее я вручаю ему чемодан, сама надеваю туфли и куртку. Раз уж меня хотят подвезти, глупо отказываться. Пусть я живу в одной остановке от института, автобусы с утра переполнены, а толкаться не хочется.

Пока мы спускаемся вниз, Вирт недоумённо косится на меня. Два года в институте он встречал тихую девушку, которая робко улыбалась и радовалась, когда ей на бегу бросали «привет!» Правильно утверждают, что замужество портит женщину: я всего полдня как жена, а уже почти грублю и выгляжу отвратительно. В машине мы молчим, Вирт смотрит на дорогу, я в окно. Без четверти восемь, дороги ещё свободные, к институту мы подъезжаем первые. Затем подходит взволнованный господин Берк, нервно крутит в руках

папку с документами. Следом подтягиваются остальные туристы, оживлённые и весёлые. Конечно, к ним на ночь глядя не заявлялись деонцы и не пугали пророчествами с жуткими последствиями.

– Лика, вам нездоровится? – участливо спрашивает госпожа Менс.

– Голова болит, – прибегаю к самой распространённой увёртке.

– У меня с собой отличные таблетки, хотите? Через пять минут забудете о боли!

Всё, чего я хочу, – поскорее занять место в автобусе и заснуть, но нахожу в себе силы вежливо поблагодарить и взять таблетку. На моё счастье, ждать долго не приходится: подъезжает выкрашенная в оранжевый цвет сверкающая машина с тонированными стёклами. В специальном багажном отделении мой чемодан, как, впрочем, и вещи остальных, смотрится сиротливо и потерянно. От необходимости сидеть рядом с Виртом меня избавляет расположение пассажирских кресел – по одному в ряду с каждой стороны.

– Доброе утро, масте! – раздаётся в салоне голос водителя. Я жадно вслушиваюсь в деонский, запоминаю произношение. – Будьте так любезны, пристегните ремни и не вставайте с места до окончания поездки.

– Ух, как строго! – шутит господин Пенс.

– Эти автобусы ходят с огромной скоростью, – важно объясняет госпожа Шелн. – Двести восемьдесят триенов в час.

Зато через пару часов мы будем на побережье.

Берк передаёт ей документы и обнимает всех по очереди. Вид у него удручённо-унылый. Пятьдесят лет – расцвет жизни, но только не для того, чтобы посетить Деон.

– Удачи! – желает он нам.

Добросовестно пристёгиваюсь, ремень очень гибкий, эластичный, словно живой. Откидываюсь на мягкую спинку, закрываю глаза. Момент, когда мы трогаемся, сливается со сном: вместо домов за окном я вижу волны, медлительные, тягучие и почему-то рыжие.

– Лика, просыпайся, приехали! – будит меня Вирт.

Вынимаю из кармана визуал. Ого, половина одиннадцатого! То-то я чувствую себя намного лучше. Автобус останавливается в пустом ангаре – серые металлические стены, искусственный свет ламп, ровное однотонное покрытие пола. Выходим по одному, наш багаж уже ждёт в сторонке. Странно. Водитель не покидал своего места, кроме нас, в автобусе никого не было, поблизости ни одного человека. Не сам же автобус выгрузил чемоданы! Пока я растерянно озираюсь, автобус закрывает двери и уезжает – беззвучно, будто оранжевое привидение.

– Добрый день.

Могу поклясться, что девушка соткалась из воздуха. Только что за моей спиной было пусто – и нате вам, пожалуйста! Нам улыбается деонка – высоченная и яркая, в изысканном белом брючном костюме. Несмотря на улыбку, золо-

тые глаза холодны.

– Меня зовут Мэйника́йс, я буду сопровождать вас до самого Грода. Прошу следовать за мной.

Кайс – второй Великий Дом Деона, покровитель – лиса. Однако я не спешу с пожеланием. Прихватываю свой чемодан и молча иду за Мэйн. Вирт подстраивается под мой шаг.

– Ли́ка, ты видела, как она подошла? – шепчет он мне на ухо.

– Существует легенда, что Анда даёт деонцам силу для перемещений в пространстве, – отвечаю так же тихо. – Они разбирают себя, как конструктор, и складывают заново, причём тратят на это доли секунды. Ночью я читала книгу, где упоминалось подобное.

Мэйн оборачивается, пристально смотрит на меня. Расстояние между нами приличное, и говорила я почти шёпотом, но мне кажется, что она слышала каждое слово.

– Теперь понятно, почему ты такая... – Вирт долго подбирает определение. – Зачитанная.

Серый ангар сменяется таким же серым широким коридором, затем пустой светлой комнатой с низкой плоской тумбой. Окошко с мигающими нулями подсказывает, что это весы.

– Прошу, – Мэйн указывает на тумбу.

Ставлю свой чемодан первая. Девять станов, семьсот восемьдесят девять танов. Окошко мигает зелёным, и мой чемодан исчезает.

– Не переживайте, – поясняет Мэйн, – он уже на пароме. По прибытии в Грод вы получите его в полной сохранности.

Моему примеру следуют коллеги. Зелёный, зелёный, зелёный... На чемодане госпожи Менс окошечко загорается жёлтым – ровно десять станов. Но чемодан всё же исчезает, и мы облегчённо выдыхаем. Практически сразу часть стены в конце комнаты беззвучно отходит в сторону, открывается узкий коридор. Чтобы пройти по нему, приходится растянуться цепочкой, которую замыкает Мэйн.

– Как в визокартине про шпионов, – хихикает господин Пенс.

– Скорее в ужастике, – откликается господин Увер. – Сейчас на нас набросится кровожадный монстр и всех съест.

Ужасный монстр не выскакивает: то ли сыт, то ли туристы из Ариза не вызывают у него аппетита. Мы благополучно добираемся до небольшого зала со стеклянными стенами. За стеклом плещут волны – мелкие и тёмно-зелёные. Это паром?

– Маста Керн! – Не сразу соображаю, что обращаются ко мне.

Мэйн по-прежнему улыбается одними губами.

– Возникли вопросы по поводу ваших документов. Пройдёмте со мной.

Холодок пробегает между лопаток. Что не так с моими документами? Беспомощно оглядываюсь на Вирта, но он лишь разводит руками. Послушно иду за деонкой. Странно, кори-

дор кажется другим. Вроде и стены такие же, и светильники на потолке те же самые, а ощущение неправильности не оставляет.

– Сюда. – Мэйн открывает дверь и пропускает меня впёрёд.

Точно другой коридор – в предыдущем не было дверей. Захожу в маленькую комнатку. Пустые стены, жёсткое ковровое покрытие на полу, рассеянный мягкий свет – и никого. Дверь за моей спиной захлопывается и сливается со стеной.

Честно – в первую минуту я думаю о том, что теперь будет с моим чемоданом. Затем начинаю смеяться над своей доверчивостью. Недаром мне сразу не понравилась эта рыжая девица с покровителем-лисой. Не получилось отговорить по-хорошему – решили действовать хитростью. Сейчас паром уйдёт без меня, и всё, что мне останется, – поплакаться директору. Господин Берк направит жалобу адэну, разумеется, тот принесёт извинения, может, даже кого-то показательно накажет. Только это ничего не изменит – в Деон я сегодня уже не попаду, и неизвестно, попаду ли когда-нибудь вообще.

Изнутри комната кажется отлитой из монолита, щели между стенами и полом отсутствуют. Откуда идёт свет – непонятно, такое впечатление, что светится потолок. Для очистки совести я пинаю стены – безрезультатно. Достāju визуал – конечно же, связь отсутствует. Без пяти одиннадцать, в одиннадцать паром отходит.

– Помогите! – кричу изо всех сил.

Хотя понимаю: бесполезно, сама видела, что коридор пустой. Вот тебе и побывала в Деоне! И зачем, спрашивается, замуж выходила?! Накатывает паника. Визуал отсчитывает время. На первой минуте двенадцатого бьюсь головой о стену, а моя бессильная злость вырывается в отчаянное:

– У-у-у!

– Не ори – здесь стены звуконепроницаемые.

– Я не ору, а вою! – вздрагиваю и оборачиваюсь.

Деонец в центре комнаты выглядит так, словно выбрался из горящего дома. Лицо перемазано сажей, на коже ожоги, волосы в копоты, одежда... Ой-ей, он же голый! Совсем голый! Быстро стягиваю с себя куртку:

– Прикройся!

– Итэн! – радуется он и оборачивает куртку вокруг пояса. – Тут отвратительная защита – всё, что с ней соприкасается, сгорает... Ты хочешь попасть в Деон?

– Разумеется, хочу!

– Согласна обменяться со мной энергией?

– Если это меня не убьёт и поможет оказаться на пароме – согласна! – безрассудно выпаливаю я.

– Будет тебе паром, – в голосе неприкрытая ирония. – Только пообещай молчать.

– Обещаю! – произношу быстро, пока он не передумал.

– Дай руку.

Надеюсь, он мне пальцы не оттяпает? Запоздало возника-

ет мысль: что означает «обмениваться энергией»? В следующий миг я чувствую, как по телу пробегает горячая волна. Ноги моментально слабеют и подкашиваются, перед глазами вспыхивают ослепительные жёлто-зелёные звёздочки. Когда зрение восстанавливается, я вижу низкий борт и волны за ним – уже тёмно-синие. Стоять сложно, вцепляюсь в холодный металлический поручень и глубоко вдыхаю свежий морской воздух, стараясь унять головокружение.

– Слабость скоро пройдёт, – голос деонца доносится словно через толстый слой ваты. – Твоя группа направляется сюда, никуда не уходи.

Куда же я пойду в таком состоянии? Мне на ногах удержаться бы. Даже кивнуть получается с третьей попытки.

– Лика?!

– Маста Керн?

Оборачиваюсь. Деонца, разумеется, и след простыл. На меня таращится Мэйн, за ней Вирт и остальные. Деонка смотрит так, словно я отрастила рога и хвост. Нет – судя по ошеломлённому и благоговейному выражению лица, крылья и нимб, словно у ангела. Встречаюсь с ней взглядом.

– Анда... – читаю я по её губам.

– Маста Мэйникайс сказала, что ты осталась в Аризоне из-за проблем с документами, – нерешительно начинает Вирт.

– Всё улажено, – бодро отвечаю я. – Правда, маста Мэйникайс?

Она медленно склоняет голову. Тут ноги у меня всё-та-

ки подламываются, и я глупейшим образом растягиваюсь на палубе.

***

– Мне это не нравится, – слышу я сквозь туман. – Господин Керн, на вашем месте я потребовала бы от деонцев разъяснений. Сначала вашу жену по надуманному поводу задерживают, затем она неожиданно появляется на пароме, а после теряет сознание. При этом наша сопровождающая делает вид, что всё так и должно быть!

Властный голос я узнаю – он принадлежит госпоже Шелн. Вирт бормочет нечто неразборчивое. Я лежу на жёсткой и узкой кровати – одна рука касается стены, вторая свободно свешивается. Открываю глаза и упираюсь взглядом в иллюминатор, за которым безоблачное небо. Голова больше не кружится, слабость прошла. Сажусь и осматриваюсь: кроме Шелн и Вирта в небольшой каюте находится госпожа Менс.

– Лица, как вы? – озабоченно спрашивает она.

– Со мной всё в порядке, – заверяю я.

– Госпожа Керн, вы ничего не хотите нам сказать? – допытывается Шелн. – Если деонцы каким-либо образом причинили вам вред, сразу же по прибытии нужно обратиться в посольство.

– Мне нездоровилось с утра, сейчас я прекрасно себя чувствую.

– Да, перед автобусом я дала Лике таблетку от головной боли, – с готовностью подтверждает госпожа Менс.

– Моя жена полночи читала и не выспалась, – своевременно вставляет Вирт.

Шелн буравит меня подозрительным взглядом стальных глаз, я стойко сохраняю невозмутимое выражение лица.

– Через полчаса мы прибудем в Деон, – наконец сдаётся она. – Вы в состоянии передвигаться сами?

– Не беспокойтесь, если что – мне поможет муж, – поворачиваюсь к Вирту. – Да, дорогой?

– Конечно, дорогая! – с преувеличенным пылом отвечает Вирт.

Шелн уходит, за ней Менс. С Вирта слетает нарочитая беззаботность.

– Лика, надеюсь, мне ты расскажешь правду? Что произошло?

Так хочется поверить, что он волнуется за меня. Но следующая фраза рассеивает иллюзии.

– Когда Мэйникайс тебя увидела, аж побелела. Она точно не ожидала, что ты вернёшься! Почему тебя не хотели пускать в Деон?

– Появились вопросы к результатам моих тестов, пока я отвечала, паром ушёл. В качестве извинения меня отправили деонским способом перемещения в пространстве, – вру вдохновенно и убедительно. – Разумеется, Мэйникайс этого не знала – она же отплыла с вами.

– Поэтому ты лишилась чувств? – скептически интересуется Вирт. – И где твоя куртка?

– Вспомни: мне и до этого было плохо. Сам утром спрашивал, что со мной. А куртку я сняла, потому что в помещении было жарко, и в спешке забыла.

Возразить Вирту нечего, а верит он или не верит – его дело. Я свои обещания держу, даже если они были даны неизвестно кому.

– Ладно, Вирт, идём на палубу, а то я не увижу пролив.

– Мы ещё обратно поплывём, наглядишься.

– Чья это каюта?

– Не знаю. Гостевая, наверное. Когда ты упала, Мэйникэйс велела занести тебя сюда. Хотя она выглядела так, что вот-вот – и грохнется с тобой рядом.

Паром напоминает большой ограждённый плот с надстройкой на корме, где и находится каюта, как выясняется – одна-единственная. Наша группа собралась на носу и любуется морским пейзажем. Ариз уже скрылся из виду, в той стороне лишь тёмные сине-зелёные волны и пелена низких плотных облаков. Впереди вырисовываются прихотливые очертания золотисто-рыжих скал Деона, солнечный свет отражается от искрящейся горной породы.

– Правда красиво? – восхищённо выдыхаю я.

– Обыкновенный морской пейзаж, – пожимает плечами Вирт. – Меня в Деоне интересуют не виды, а их технологии. Стал бы я красоты ради пять лет зубрить язык, в котором

одних «спасибо» шесть штук, и все разные.

– Зато нет слова «прощай».

– Как нет? – удивляется он. – А «нэ́ат»?

– «Нэат» в разговорный язык перешло из высокого диалекта, дословно оно означает «до встречи», – поясняю я. – Деонцы ни с кем не прощаются навсегда, даже с умершими. По их вере души постоянно перерождаются и встречаются вновь. А есть души, которые связаны настолько крепко, что каждый раз рождаются вместе. Их называют андэ́.

– Мне казалось, андэ – это влюблённые.

– На общем деонском – да. Но правильнее переводить «связанные, предназначенные». Вечная любовь, которой не страшна даже смерть.

Теперь Вирт смотрит на меня с весёлым любопытством.

– Лица, все эти байки про истинную любовь – это же вымысел. Так бывает в визокартинах и развлекательных книжонках, только не в реальной жизни. Десятки моих друзей влюблялись, сходились, женились, разводились и опять влюблялись – и дальше по кругу. Можно гореть желанием неделю, месяц, год, потом новизна проходит, интерес угасает. Любовь, которая длится вечно, – это сказка.

– Ты говоришь так потому, что сам не любил, – вырывается у меня.

– Я реалист. На первом месте у меня работа и карьера, на втором – мои увлечения. О семье пока не задумываюсь. Понятно, что однажды мне придётся жениться по-настоящему,

но при выборе жены я собираюсь руководствоваться здравым смыслом. Чтобы не получилось, как у моих родителей, – вспыхнули, сошлись, тут же сыграли свадьбу, завели ребёнка, а через год остыли и разбежались.

При упоминании семьи становится неловко. Мне почти ничего неизвестно о человеке, на которого я не могла налюбоваться два года, а разговариваю с ним и вовсе в первый раз. Не считать же за беседу брошенное на бегу «Привет, Лика!»

– Прости, я не знала, что твои родители в разводе.

– Они официально и не разводились, – Вирт корчит презрительную гримасу. – Мирно договорились, отдали меня бабушке и разъехались кто куда. Отец строит дома на западе Ариза и постоянно меняет подруг, мать с новой семьёй живёт на юге. Я общаюсь с ними по визуалу – дважды в год – на день рождения и зимние праздники. Зато, по заверениям бабушки, у них была та самая великая любовь.

– Это как раз не любовь, а страсть, влечение, – протестую я.

– А тебе известна разница? Ты умеешь отличать одно от другого?

Ещё вчера я не упустила бы момент признаться с жаром: «Да! Я люблю тебя, Вирт!» Сейчас отрицательно качаю головой.

– Поэтому пока для меня важна только работа, – подытоживает он.

– Тогда зачем ты так старался попасть в Деон?

«Даже решился на фиктивный брак», – добавляю мысленно.

– Потому что это единственная возможность наладить личные отношения с деонцами. Я собираюсь открыть собственную фирму, стать посредником в торговле между нашими странами, – воодушевляется Вирт. – Представляешь, какие это перспективы? Возьмём, к примеру, их батареи. Крошечные – размером с горошину! А энергии от них столько, что техника работает годами! Как устроены – никто понять не может, обыкновенный обточенный базальт. Откуда берётся заряд?! Деонцы хитрые, поставлять готовы в любых количествах, но технологией поделиться не хотят, наших учёных к себе не пускают. Мы им предложили построить завод по выпуску этих батареек на территории Ариза – и что, ты думаешь, они ответили?

– Анда запретил?

– Угадала, – морщится Вирт. – Удобно – всё сваливать на бога. Будто этот Анда действительно с ними разговаривает! Понятно, что Совет Домов просто не желает раскрывать секреты, но он ведь не весь Деон. Нужно осторожно поговорить с людьми, найти производителей, предложить им выгодные контракты. И если я добьюсь успеха, меня ждёт головокружительная карьера. Мне нужна эта поездка, Лика!

Оказывается, Вирт честолюбив и амбициозен. Сколько нового я узнала, став его женой.

Паром уверенно идёт прямо на скалы, стремительно

вырастающие в размерах. Мелькает трусливая мысль, что столкновение неизбежно. Потом я замечаю тёмную глубокую расщелину, в которую мы и направляемся. Похоже, расщелина искусственная – такими ровными оказываются отвесные берега. Паром достигает пристани, без малейшего толчка застывает на месте. Пожилой деонец перекидывает сходни, хотя расстояние между паромом и берегом настолько мизерное, что его можно с лёгкостью перешагнуть. Перехожу первая, оглядываюсь на светлый прямоугольник моря и краем глаза замечаю выражение лица деонца. Откровенная неприязнь, почти отвращение. Мы встречаемся взглядами, и на его губах тут же возникает улыбка. Показалось?..

– Прошу за мной, – приглашает Мэйн. – Ваш багаж доставят прямо в автобус.

На меня она не смотрит. Я стараюсь выглядеть безмятежно счастливой.

– Рада, что вам лучше, Лика, – радуется госпожа Менс.

Прямо от пристани начинается длинный тоннель – невероятно красивый, с мозаикой на стенах, светильниками в виде факелов и отшлифованными до зеркального блеска плитами на полу. Тоннель заканчивается раздвижными дверями, за которыми небольшое помещение, похожее на лифт. Мэйн пропускает нас вперёд, заходит сама и нажимает кнопку на стене. Меньше чем через минуту двери опять раскрываются. Очередной коридор, за ним ангар с уже поджидающим автобусом. Тонированные стёкла отражают серые сте-

ны и нас, притихших и растерянных.

– Добрый день, уважаемые масте! – Голос водителя другой, более низкий. – Будьте любезны, пристегните ремни и не вставайте с места до окончания поездки.

Мэйн пристёгивается первая и затягивает ремень так туго, что он впивается ей в грудь. Как только автобус трогается, я понимаю почему: скорость запредельная. При этом совсем не слышно звука двигателя, автобус несётся совершенно бесшумно. Пейзаж за тонированными стёклами сливается в тёмную полосу, ничего не разглядеть. Через полчаса скорость снижается, я прилипаю к окну и различаю на горизонте размытые контуры гигантского здания – колоннада, купол, башни.словно назло автобус тут же ныряет в тоннель. Дружный негодующий вздох вырывается у всех в салоне – за исключением Мэйн. Она, наоборот, расслабляется, словно всю дорогу ждала неприятностей. Этот тоннель короткий, и автобус медленно въезжает в Грод. Невысокие каменные дома ничем не отличаются от тех, что можно встретить в центре любого старого города Ариза. Ровная каменная кладка, скатные черепичные крыши, острые шпили, узкие окна со ставнями и крошечные балкончики, с которых свисают пышные цветочные гирлянды.

– Обыкновенный средневековый город, – вполголоса разочарованно протягивает Увер. – А таинственности-то сколько!

– Нет, коллега, не скажите, – замечает Кест. – Обратите

внимание, какая невероятно тонкая резьба по камню. Даже если это мягкий известняк, не представляю способ настолько ювелирной обработки. Хотелось бы поскорее рассмотреть эту красоту поближе... Маша Мэйникайс, когда мы сможем выйти в Грод?

– Общий обзор столицы запланирован на завтрашнее утро. Сегодня у вас знакомство с кураторами, отдых и торжественный ужин в семь вечера.

– В семь? – испуганно переспрашивает госпожа Менс. – Это четыре с половиной часа ждать?

– Вам в номера доставят прохладительные напитки, фрукты и лёгкие закуски, – успокаивает её Мэйн.

Автобус останавливается у высокой живой изгороди, за ней виднеется лишь длинная крыша. Не скрытый тонированными стёклами Грод поражает яркостью красок. Камень, из которого сложены здания, переливается всеми оттенками светлой охры. Черепица красно-коричневая, плотно пригнанные плиты мостовой золотисто-бежевые, декоративные кусты с бордовой листвой усыпаны крупными лимонными цветами. Но больше всего меня изумляет небо: оно не голубое, а рыжеватое. Ещё здесь гораздо теплее, нежели в Аризе, в куртке бы я непременно вспотела. Пока мы озираемся, автобус уезжает. Наши чемоданы волшебным образом оказываются аккуратно составленными в ряд.

– Сейчас за вами придут. – Мэйн опять улыбается одними губами. – Желаю вам приятного отдыха, уважаемые масте.

Она вежливо кланяется, проходит мимо и вдруг оборачивается, смотрит мне в глаза. Такого умоляющего взгляда не было даже у моей ушастой вазочки. Я делаю несколько шагов ей навстречу.

– Маста Керн, я приношу свои глубочайшие извинения. – Голос деонки очень тих. – Не все в состоянии сразу разгадать замыслы Анды: чему должно свершиться, то свершится. Не держите на меня зла.

Очень хочется ответить ей, что в роли Анды выступил перемазанный в саже голый парень, но я помню обещание и еле заметно киваю. Мэйн тут же уходит – без всяких чудесных перемещений, своими ногами. Провожая её взглядом и невольно отмечаю, что на улице совсем нет машин и очень мало прохожих. Два-три десятка деонцев, и непохоже, что они спешат по делам, скорее прогуливаются. Хотя, вполне возможно, гостиница расположена в центре города, где в основном находятся музеи. Гроду около тысячи четырёхсот лет, это старейший город Деона, здесь целые районы должны охраняться как памятники истории и культуры. То-то все здания выглядят так, словно в них никто не живёт, – однообразные занавески в окнах, одинаковые рамы, на первых этажах сувенирные магазины и рестораны. Рай для туристов.

Из ворот выходят деонцы – семь человек. Те самые кураторы, о которых упомянула Мэйн. К нам с Виртом подходят двое. Красивая девушка с хищным выражением лица и роскошной медной гривой, уложенной в идеальную при-

чёску, ослепительно улыбается Вирту. Мне кланяется представительный мужчина без возраста – черты лица настолько правильные, что, если бы не живой цепкий взгляд, он выглядел бы ожившей статуей.

– Доброго дня, маста Керн. Меня зовут Рейникайс, весь период вашего пребывания в Деоне я отвечаю за то, чтобы вы не испытывали никаких неудобств.

Ещё одна лисица. Может, Дом Кайс специализируется на туристах?

– Пусть Анда прибавит вам изворотливости, масте Рейникайс.

– Благодарю, маста Керн. Мы с Лойникайс проводим вас в номер для инэрэ.

Слово «инэрэ» означает «суженые», хотя Рейн явно употребляет его в смысле «новобрачные». Меня это занимает гораздо меньше того факта, что у нас с «мужем» один номер на двоих. Виновато кошусь на Вирта: он всецело поглощён своим куратором. Что делать? Просить отдельные номера? Но не вызовет ли это подозрения у деонцев? Ведь у нас с Виртом вроде как медовый месяц.

Тем временем Рейн забирает мой чемодан, и мне волей-неволей приходится следовать за ним. Оглядываюсь на Вирта и успокаиваюсь: он не выказывает признаков неудобольствия. Мы проходим через пышный сад с экзотическими растениями, напоминающими пальмы, только при этом они почему-то покрыты невообразимо пышными пёстрыми

цветами. Здание гостиницы на удивление современное: стены наполовину из стекла, на каждом этаже огромные открытые террасы. Наверное, оттого его и отгородили зеленью – чтобы не портило исторические виды. Холл отделан тёмным мрамором с искрящимися прожилками, на стенах гербы Великих Домов, в центре – оскалившийся снежный барс Великого Дома Райн, адэнов Деона. Поднимаемся по лестнице на второй этаж, боковым зрением я замечаю, что остальных туристов кураторы ведут выше. Получается, мы будем жить не рядом? Вопросы отпадают, когда мы оказываемся в номере: он занимает половину этажа, включает в себя одну большую спальню, две малых, гостиную, зимний сад и подогреваемый бассейн под открытым небом. Еле сдерживаюсь, чтобы не присвистнуть. Вирт и его спутница сразу направляются в сад, я замираю в гостиной.

– Располагайтесь, устраивайтесь. – Рейн убирает чемоданы в шкаф. – Сейчас вы можете отдохнуть, через полчаса вам принесут напитки и закуски, в семь я зайду за вами, чтобы пригласить на ужин. Если возникнут какие-либо вопросы, вы можете обратиться к дежурному в холле, он находится там круглосуточно и сразу позовёт меня.

Оглядываюсь в поисках визуала или его подобия.

– В Деоне нет устройств быстрой связи?

– К сожалению, нет. Мы предпочитаем жить по старинке, – в словах Рейна мне чудится досада.

– Скажите, когда можно выйти в город?

– Экскурсия по Гроду состоится завтра, маста Керн.

– Хотелось бы просто прогуляться, – поясняю я.

– Крайне нежелательно, маста Керн. Улицы Грода представляют собой настоящий лабиринт, вы рискуете заблудиться.

– Я прекрасно ориентируюсь.

– С экскурсоводом вам будет удобнее. Лучше отдохните, поплавайте в бассейне, наберитесь сил. Всего доброго.

– А...

Задать вопрос я не успеваю – куратор растворяется в воздухе. В сердцах поминаю чёрта. Вирт прощается со своей очаровательной лисицей и поворачивается ко мне.

– Ничего себе хоромы! Ты бассейн видела? Какую спальню займёшь?

– Без разницы.

Вспоминаю, как откровенно кокетничала с ним деонка, и хмурюсь. Хорошо, что я не настоящая жена. Но что подумают наши спутники, если мой муж в моём присутствии будет флиртовать с другой?

– Вирт...

– Тогда я беру себе большую, – перебивает он, забирает свой чемодан и скрывается за дверью.

Я тоже иду, но не в спальню, а в ванную, благо при каждой спальне она своя. Неплохо принять с дороги душ, заодно и нормально уложить волосы. По пути заглядываю в шкаф – обещанные халаты и тапочки там в немыслимом количестве,

словно я собираюсь не носить их, а съедать по паре в день. Вода приятно освежает, и настроение начинает улучшаться. Оглядываю себя в зеркале и остаюсь довольна. Будто и не падала в обморок, даже кожа не такая бледная, как обычно, на щеках появился румянец. И волосы не тускло-соломенные, а с золотистым блеском. Самое потрясающее – полотенца: стоило растереться, и я моментально сухая, словно не мылась. Чудеса!

Халатом я не соблазняюсь, надеваю свою одежду. С любопытством исследую номер и испытываю разочарование. Всё роскошное, изысканное, но обычное. Экзотический зимний сад цветёт и благоухает, однако с таким же успехом можно в отпуск съездить в тропики. Про бассейн вообще молчу, к искусственным водоёмам я совершенно равнодушна, к тому же плаваю отвратительно, по-собачьи. На столике в гостиной книги, набрасываюсь на них с жадностью. Первая – «Деон. Традиции и культура». Самая известная в Аризе книга, входит в школьную программу обучения. Следующая – «Покровители Великих Домов». У меня такая дома есть, могу цитировать по памяти. Ещё одна – «Звёздный путь» – баллада о трагической любви для любителей поплакать. Этим книгам тысяча лет, любая уважающая себя библиотека включает их переводы на язык Ариза. Фактически все наши знания о Деоне ими тремя и ограничиваются. А где современные произведения? Неужели с тех пор не издавали новых романов? Перевелись поэты и прозаики? Иссякли темы для сочине-

ний? К тому же кроме художественной должна же существовать и научно-популярная литература. Я бы с бóльшим удовольствием почитала что-нибудь об особенностях того самого излучения, о котором нам рассказывал на лекции господин Мерт.

Слишком много вопросов. Деон закрыт и загадочен, существует рядом и одновременно словно в иной реальности. Наши государства не конфликтовали, не воевали, делить нам нечего. Оба материка огромны, места хватает всем. Деон всегда настаивал на неприкосновенности своих границ и, за исключением посла Ариза, никого на свою территорию не допускал. Торговать мы стали только в последние два столетия. Деон начал закупать у нас зерно и скот, шоколад и специи, взамен поставляет те самые знаменитые батарейки, которые произвели эффект разорвавшейся бомбы. Наши достижения их не интересуют, от обмена опытом они отказываются. Медицина у них какая-то своя, особенная, причём насколько развитая, что в их языке отсутствуют слова «болезнь» и «врач». Туристы – единственные, спасибо Анде, кому позволено посетить Деон.

Но какой толк в этом посещении, если нас и впрямь держат взаперти? Похоже, деонцы не собираются выпускать нас из гостиницы без присмотра. Однако со мной такое не пройдёт. Чем больше меня от чего-либо отговаривают, тем сильнее я к этому стремлюсь. Экзотические растения, бассейны – это всё замечательно, но ради этого не стоило пересекать

пролив. Слабость полностью прошла, наоборот, сил словно прибавилось. Интересно, это результат того самого обмена энергией, о котором говорил мой спаситель? Во всяком случае, энергия во мне так и бурлит. Отдыхать, по совету куратора, совершенно не хочется. Сидеть с Виртом в номере для новобранцев тоже приятного мало. Сейчас бы погулять по Гроду! А то из окон даже крыш не видно – тропический рай какой-то, сплошные пальмы и орхидеи. Мартышек не хватает.

Если я покину гостиницу, не станут же меня возвращать силой? Конечно, после той камеры-ловушки я в этом не уверена, но попробовать стоит. Без закусок с напитками я обойдусь, диета красит девушек, как любит повторять Рона. Выглядываю в коридор, чтобы разведать обстановку: никого. Спускаться по центральной лестнице – привлечёшь внимание дежурного, нужно придумать другой путь. В этот момент из спальни выходит полностью одетый Вирт.

– Лика? – удивляется он. – Решила улизнуть?

– Приехать в Деон, чтобы плескаться в бассейне, – глупо.

– Вот и я так подумал, – Вирт расплывается в улыбке. – Пойдём посмотрим Грод?

– Мой куратор предупредил, что нельзя гулять по городу без сопровождения, – жалуюсь я. – Мол, вы там заблудитесь.

– Лойникайс выразилась намного резче: одинокие празднующиеся туристы в Гроде рискуют нарваться на неприятности. Какие могут быть неприятности днём в центре сто-

лицы? Нас ограбят? Побьют? Похитят и продадут в рабство? – Вирт презрительно фыркает. – Теперь я просто обязан самостоятельно выбраться в город и доказать этой высокомерной зазнайке, что меня не запугать.

– Полагаю, нас не хотят выпускать одних. Кстати, внизу в холле сидит дежурный, который наверняка нам помешает. Задержит или позовёт кураторов, и плакала наша вылазка. Нужно поискать служебный вход. Он непременно должен быть.

– Хорошая мысль! – оживляется Вирт, и мы покидаем номер.

Вот только двери, за которой может скрываться лестница для персонала, в коридоре нет. Стены гладкие, в торцах коридора и напротив лестницы – окна, за которыми всё те же пальмы. Вспоминаю, как Мэйн открыла ту камеру, где потом заперла меня, и внимательно присматриваюсь к выпуклостям на ровной поверхности.

– А это что за кнопка? – я нажимаю еле приметный кружок.

Часть стены у нас на глазах исчезает. Не отходит в сторону, не сдвигается – растворяется, словно её никогда не было. Зажимаю рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

– Ничего себе! – выпаливает Вирт. – Что-то я не припоминаю, чтобы о подобном рассказывали участники прошлых посещений.

– Они плавали и отдыхали, – предполагаю я.

– Весь месяц? – скептически спрашивает Вирт.

Пожимаю плечами: может, и весь месяц. А в город выби-
рались исключительно под присмотром кураторов и точно не
служебными входами. За стеной узкая лестница, по которой
мы спускаемся в подсобные помещения. Кладовки или бы-
товки, большинство дверей заперто, причём замков не вид-
но. На наше счастье, обслуживающего персонала нет на ме-
сте или мы с ним не сталкиваемся. Немного поплутав, мы
вываливаемся наружу – как раз в тот тропический сад, что
виден из всех окон. Пальмы поистине гигантские, стволы
не обхватят и три человека.

– Лица, мне кажется или тут намного жарче, чем было на
улице, когда мы приехали? – Вирт вытирает платком вспо-
тевший лоб.

– Не кажется, – подтверждаю я. – Тут парилка настоящая,
мочалки не хватает и банных шлёпанцев. Нужно побыстрее
выбираться, иначе промокнем насквозь, а потом замёрзнем.

Сад мы практически пробегаем. Жара неожиданно обры-
вается, словно мы пересекаем невидимый разграничитель.
Хоп – и температура уже нормальная. Не выдерживаю, оста-
навливаюсь, вытягиваю руку. Вот прохладный воздух и сра-
зу резко – горячий. Вирт следует моему примеру, проверяет
несколько раз.

– Так не бывает! – злится он. – Даже если горячий воздух
специально подводится по трубам, он должен перемешивать-
ся и охлаждаться. Здесь же чёткая граница ровно по краю

газона.

Не бывает, но есть. Сад окружает гостиницу живой декорацией – чтобы любопытные туристы из Ариза не пялились на улицу. Город с этой стороны совсем пустой, здания красивые, опрятные и явно нежилые. На бульваре между домами ни одного человека. Аккуратно подстриженные липы, вазоны с петуньями, однотипные чугунные скамейки, старинные фонари с завитушками. Будто искусно выполненный макет в натуральную величину – почти как настоящий.

Толкаю Вирта в бок и показываю на гостиницу.

– Знаешь, что мне это напоминает? Комфортабельную клетку для животных в зоопарке с видом на среду естественного обитания.

– Или тюрьму, – не стесняется в выражениях Вирт.

– Это заповедник для любопытных туристов, – слышу я на аризском с еле заметным акцентом. – Созданный специально ради вас.

Парень, что перенёс меня на паром! Голос точно его. Обобщаюсь – он в рiene от меня, протягивает мою куртку. На сей раз одетый, в облегающих тёмных брюках и рубашке на выпуск. Машинально забираю куртку и разглядываю своего освободителя. Тощий, поджарый, длинноногий. Сразу приходит сравнение со зверем – некрупным, но хищным и опасным. Сходство усиливают сверкающие из-под длинной чёлки глаза – золотые, яркие, в обводе иссиня-чёрных ресниц. Густые блестящие волосы не медные, как у Сэрта, не рыжие,

как у Мэйн, а огненные, словно языки пламени.

– Простите, вы кто? – сурово сдвигает брови Вирт.

– И вам доброго дня! – насмешливо откликается парень.

На фоне высоченного Вирта он кажется тщедушным – макушка еле достигает плеча. – Со мной всё сложно. Я проводник Анды, что-то вроде гласа божьего, ну и так, по мелочи. Можете звать меня по имени – Дэйн.

– Дэйн из Дома..? – Вирт ждёт продолжения.

– Неважно, – ещё одна кривая усмешка. – В данный момент я действую от своего имени. Великие Дома скрывают от Ариза правду о Переломе.

– О Переломе? – заинтересованно повторяю слово, которое он совершенно точно произносит с большой буквы.

– Стихийное бедствие, катаклизм, катастрофа, – с готовностью поясняет Дэйн. – Жили, жили, после чего – бум! – и мира не стало.

– Позвольте! – Вирт обводит рукой пальмовый сад, деревья, опрятные дома, чистые улицы, ухоженные цветы в вазонах. – А это что?

– Тщательно охраняемый кусочек прежнего Деона. Своеобразная память о том, каким был наш мир до Перелома. Над Гродом силовой барьер – он защищает столицу.

– От излучения, которое изменяет нашу внешность? – предполагаю я.

– Нет, от этого барьеры не спасают. Любой, кто попадает в Деон, меняется не только внешне. Он полностью пере-

страивается, приобретает наши способности и со временем превращается в деонца. Государственная тайна, над которой Совет Домов трясётся тысячи лет. Любого, кто об этом узнает, никогда не выпустят из Ариза.

– Зачем ты нам это рассказываешь? – недоверчиво спрашиваю я.

Он первый стал «тыкать», вот пусть теперь и получает.

– Потому что ты мне нужна, Лика, – Дэйн на секунду мрачнеет, затем опять лихо улыбается. – В твоём случае перестройка уже началась. Я обменялся с тобой энергией, а у меня она ядовитая, знаешь ли. Так что ты отравлена Деоном и останешься здесь навсегда.

Беспомощно замираю. Это у него шутки такие?

– Надеюсь, вы нас разыгрываете? – сердится Вирт. – Масте Дэйн, вы пугаете мою жену.

– Она тебе не жена, – жёстко отрезает Дэйн. – Вас ничего не связывает, кроме закорючек на бумаге, а они для Анды ничего не значат. Поэтому ты сейчас возвращаешься в гостиницу и забываешь обо всём. Память я тебе поправлю, это я умею.

– Бред какой-то! – гневно выпрямляется Вирт. – Опасные сумасшедшие разгуливают без надзора! Лика, немедленно уходим!

Он тянет ко мне руку. Дэйн небрежно щёлкает пальцами – и Вирт застывает. Его глаза стекленеют, он послушно, будто под гипнозом, разворачивается и чётким шагом марширует

к гостинице.

– Ты что сделал?! – возмущаюсь я.

– То, что и обещал: подчистил память, – он переходит на деонский.

Гляжу на Дэйна с ужасом. Какая неслыханная, жуткая мощь во власти одного человека!

– Не смотри на меня, как на чудовище. Ничего с твоим блондинчиком не случится. Он просто обо всём забудет. Вернётся в номер, перекусит, поплавает в бассейне и продрыхнет до вечера.

Дэйн говорит так беззаботно, словно не произошло ничего особенного. Подумаешь, кому-то стёрли память! Какие пустяки, сто раз на дню происходит!

– Лика, расслабься. Иначе я подумаю, что в тебе ошибся.

– Как ты можешь обо мне судить, если сегодня встретил в первый раз? – старательно скрываю страх.

– Мне больше и не надо. Всё, что нужно, я уже увидел, – самоуверенно заявляет Дэйн. – Потому и обменялся с тобой энергией.

Его самонадеянность злит.

– Ты понимаешь, что с лёгкостью распорядился чужой жизнью? – смотрю в золотые глаза. – Не знаю, зачем тебе это понадобилось, но если я не вернусь в Ариз, то лишусь всего – работы, дома, любимого человека!

– Это он-то любимый? – Дэйн пренебрежительно кивает в сторону, куда ушёл Вирт. – Лика, я понимаю, что ты сейчас

испытываешь. Только у меня не было выбора. Короче, я тебе просто покажу.

Он крепко берёт меня за руку – не дёрнешься. Картинка вокруг нас стремительно меняется. Грод с его игрушечными домиками и пальмовыми садами исчезает. Мы оказываемся на краю крыши гигантского здания, справа и слева возносятся к небу высоченные тёмные башни. Перед нами до самого горизонта простирается мёртвая чёрная равнина. Спёкшаяся бугристая кора прорезана глубокими трещинами, из которых то и дело вырываются языки пламени. В какую сторону ни взгляни – горящая изнутри земля и раскалённое марево над ней.

– Деон, – зло бросает Дэйн. – То, во что он превратился двести лет назад. Не такой, как ты представляла, да? Нравится?

– Жутковато, – признаюсь я. – Но скажи мне, пожалуйста, а я-то здесь при чём? Конечно, если ты не собираешься меня туда столкнуть. Принести в жертву Анде, чтобы всё исправить.

Дэйн отвечает мне холодным взглядом, отчего собственное предположение перестаёт выглядеть забавным. Кто знает, на что способны ненормальные, вдруг он решит воспользоваться моим советом. На всякий случай делаю пару шагов назад, подальше от пропасти.

– Не бойся. – Он опускает голову, огненные пряди закрывают лицо. – Будь дело только в жертвах, мы обошлись бы и

без тебя. Но Анда не ведёт лёгкими путями. Ему не нужны чужие жизни, он хочет... Чёрт его знает чего он хочет! Напустит вечно тумана, а ты мучайся – правильно ли понял.

– Может, ты соизволишь рассказать мне всё по порядку? Про то, отчего Деон стал таким, – указываю на кошмарное зрелище внизу. – И почему вы скрываете правду от Ариза.

– На первый вопрос я тебе отвечу прямо сейчас. – Дэйл поворачивается ко мне, в его глазах словно отражается пламя. – Мы упивались силой. Властью над миром, способностью перекраивать его под себя. Захотел – подвинул гору, пожелал – изменил климат. А потом Анда нас наказал. За один день Деон превратился в огромную ловушку – как та, в которую тебя сегодня заключили. Мы не можем выбрать-ся, точнее, не можем выбраться надолго, потому что вдали от Деона постепенно теряем наши способности. Жить же без силы мы не умеем... Идём.

Он опять берёт меня за руку – воплощение Деона: огненный и опасный. На сей раз мы оказываемся в небольшом кабинете. Обстановка более чем скромная: однотонные коричневые стены, шкаф, набитый книгами, письменный стол, пара простых крепких стульев. Картина на стене напротив стола – умиротворённый вечерний пейзаж, чистое закатное небо, алый храм на вершине горы и одинокий путник, бредущий по узкой тропинке. Примечательно то, что картина в раме трёхмерная, такое впечатление, что горы рельефны, а между храмом и путником хочется просунуть палец.

– Это старая вещь, деонская объёмная живопись, – Дэйн замечает мой интерес к картине. – Так выглядел Деон до Перелома. Садись, Лика.

Он выдвигает для меня стул, сам отходит к окну. Небо тоже отсвечивает оранжевым, кажется, это пылают его огненные волосы.

– Очень похоже на Ариз, – говорю, лишь бы не молчать.

– Да, наши миры не сильно отличались, за одним важным исключением. У нас была сила, данная Андой. Она существовала всегда – равномерно разлитая по всему материку. Мы умели переносить себя в пространстве, исцеляли увечья, преобразовывали материю. Казалось бы, живи и радуйся.

– Подожди, – прерываю я его. – Силу мог получить любой человек? Не только деонец?

– О! – Дэйн поднимает палец вверх. – Ты ухватила главное. Любой, Лика, абсолютно любой. Теперь ты понимаешь, почему мы скрываем силу от Ариза: а вдруг вы попросите его поделиться? Или, чего доброго, захотите отнять. Ваше государство довольно воинственно, у нас же и армии не было никогда.

– Мы давно не воюем, – вступаюсь за Ариз.

– Давно – это сколько? Триста, двести лет? – усмехается он.

– Сто пятьдесят.

Усмешка перетекает в гримасу.

– Зато до этого вы разделились на десятки стран, приду-

мали сотни способов истреблять друг друга, изобрели оружие массового поражения – и наконец перед угрозой взорвать мир объединились. Деон же никогда не знал ничего страшнее кухонного ножа и кнута.

– Идиллия, – ехидничаю я. – Почему только не наш, а ваш мир взорвался?

– Потому что мы обнаружили источники. Некие точки, в которых энергия была мощной струёй. Очутившись в такой точке, человек обретал беспредельное могущество. Хочешь за один миг возвести дом, вырастить сад, засеять поле? Пожалуйста! Выровнять холмистую местность, проложить дорогу, создать мост в тысячу триенов? Милости просим! Не нравится река? Нет проблем, завернём, да что там – бантиком завяжем. Естественно, Великие Дома быстренько расхватили места силы себе, над источниками выросли замки – как этот, где мы сейчас с тобой находимся. Семь источников, семь замков, семь Великих Домов. И понеслось... Развлекались кто во что горазд – парящие сады, закольцованные водопады, острова в воздухе... Понимаешь, у нас даже карты перестали существовать – какой смысл их рисовать, если сегодня озеро здесь, завтра там, а послезавтра на этом месте лес вырос?

Дэйн замолкает и смотрит в окно.

– Длилось это недолго – меньше года. После чего наступил конец света. Те, кто его пережил, описывают Перелом так: за секунду весь мир превратился в гигантский костёр.

Горела почва, плавилась камни, исходили паром моря, текли реки раскалённой лавы. Уцелели лишь замки и ближайшие к ним города, над которыми сообразили поставить силовые барьеры. Спаслась одна сотая часть людей. Земля перестала нас слушаться, она кипит изнутри, ненадолго схватывается коркой, затем вновь прорывается огнём. Сохранилась всего одна дорога – та, что связывает Грод с паромом. Питьевая вода осталась на дне глубоких скважин. Удивительно, как ещё воздух пригоден для дыхания.

Меня поражает боль в его голосе. Гнев, отчаяние.

– И при этом вы не просите о помощи? Делаете вид, что ничего не случилось? Создаёте для Ариза иллюзию процветающего мира?

– Мы до сих пор владеем силой. – Дэйн оборачивается, зло кривит губы. – В пределах защищённых территорий творим всё что вздумается. Подавляющее большинство в Совете Домов устраивает сложившееся положение. Власть в их руках, жить есть где, а то, что земля горит под ногами, – так она уже два века горит. По их мнению, гораздо страшнее то, что Ариз может забрать силу себе. Тем более что последние шесть лет положение осложнилось требованием Анды: он велел «звать гостей из-за моря». Словно нам без того проблем мало! Теперь приходится для вас поддерживать видимость того, как славно живёт Деон. С Андой не поспоришь, хорошо, он не уточнил – пять гостей мы должны принимать или пятьсот. Вот мы и стараемся всеми силами ограничивать количество

туристов. Играем в таких самодуров – требуем знания языка, придираемся к возрасту, к семейному положению, к чему угодно!

– Вес багажа – тоже придирки? – с обидой вспоминаю, как старательно собирала чемодан.

– Тебя это так волнует? – Ох, какой взгляд! Обжечься можно! – Нет, это как раз обосновано. Перегруз парома недопустим. Дай волю туристам – каждый наберёт с собой барахла. Визиты аризцев и без того обходятся нам слишком дорого. Из-за них мы превратили центр Грода в музей, старательно контролируем каждый их шаг, чтобы они не увидели лишнего, всячески развлекаем, показываем достижения. Например, наши фермы – это действительно, интересно: как на небольшом пространстве растить скот, – или винодельческое хозяйство в Ринте, бывшем пригороде столицы. Вертикальные виноградники, слышала?

Конечно же слышала, и даже вино пила. Только считала это просто интересным экспериментом. Но сейчас меня волнует другое.

– Ты в одиночку решил пойти против Совета Домов? Почему?

– Потому, что я по-своему трактую пророчество Анды. Для Совета «потрясёт мир» – угроза их власти. Мне в предсказании почудилась надежда.

– А силёнок хватит?

– Хватит, – уверенное и спокойное.

Дэйн подходит ко мне вплотную.

– Лика, ради возрождения Деона я готов на всё. Потребуй Анда что-либо от меня – не раздумывал бы ни секунды. Однако исполнить пророчество способна лишь чужая новобрачная. Поэтому я сделал так, чтобы ты осталась в Деоне. Можешь меня ненавидеть, мне не привыкать. Не сомневаюсь, каждый из глав Домов втайне мечтает, чтоб я поскорее сдох. Ты точно будешь не одинока.

Моё изумление вырывается нервным смешком.

– Поправь меня, если я ошибаюсь. Из-за какого-то туманного пророчества ты отравил меня Деоном, лишил возможности вернуться в Ариз, наплевал на мои чувства, но при этом ты не знаешь ни что я должна делать, ни в чём заключается воля вашего божества. И почему я не удивлена, что тебя ненавидят в Деоне? Странно, что ты вообще до сих пор жив, Дэйн из чёрт знает какого Дома!

– Мой Дом – Райн, – в голосе нет гордости. – Дэйнирайн – моё полное имя. Тебе полегчало? Ненавидеть адэна Деона легче, чем безымянного проводника Анды?

– Намного, – выдыхаю я. – А ничего, что я с тобой на «ты»? И не на высоком языке?

– Со мной в основном общаются на деонском ругательном, – ухмыляется Дэйн. – Лика, я единственный представитель своего Дома. Было бы нас хотя бы двое – адэном стал бы другой.

– Почему тебя не свергнут?

– Нет оснований. Я совершеннолетний, в здравом рассудке и пришёл к власти законным путём, остальное не является причиной для государственного переворота.

– Тогда отчего не избавились по-тихому? – кровожадно усмехаюсь.

– Анда накажет, я же его проводник. Наш бог – это не безобидная выдумка Ариза, это вполне себе ощутимая грозная реальность.

– Испепелит на месте? – припоминаю древние легенды.

– Представь себе. Алая молния – и кучка пепла.

– Если Анда такой всемогущий, как допустил Перелом?

Кажется, я зацепила за больное. Дэйн поджимает губы, медлит с ответом.

– Перелом и есть наказание Анды... Лика, повторю: ты вправе меня ненавидеть. Но я должен был попробовать.

Зажмуриваюсь. А может, мне всё это снится? По совету куратора я прилегла отдохнуть и заснула. Сейчас проснусь в гостинице и посмеюсь – что за вздор мне привиделся. Сумасшедший фанатик адэн, горящая земля – бред, полный бред! Делаю глубокий вдох, открываю глаза. Сумрачный кабинет, отливающее оранжевым небо, напряжённо застывшая фигура в пламени волос.

– А по-человечески ты не мог? Встретить, объяснить, попросить помощи? Или это отличительная черта Деона – сдохнуть, но гордо?

– И ты бы согласилась? Вся жизнь к чёрту! Одно дело –

ах, ах, Деон, закрытая страна, как интересно! Другое – ты теперь одна из нас. Глаза уже цвет меняют.

Вскакиваю в ужасе.

– Где зеркало?

Дэйн проводит рукой в воздухе: из ничего возникает зеркальная поверхность, застывает в рiene от меня. Мамочка родная! Волосы порыжели, кожа отливает бронзой, в синеве глаз светятся золотые искры.

– Скотина ты деонская! Гад самоуверенный!

Подлетаю и со всей силы влепляю пощёчину. Аж звон раздаётся. Дэйн даже не пытается отстраниться.

– Странные создания женщины. Потерю мира ты перенесла относительно спокойно, а перемены во внешности вызвали истерику. Лица, по мне, ты стала ещё красивее.

Последняя фраза заставляет меня замереть с поднятой рукой.

– Ну ты и наглец! У тебя вообще совесть есть?

– Совесть у адэна? Не смейся. Отпала за ненадобностью невесты в каком поколении.

Опять смотрю в зеркало. Этот нахал прав. Яркие краски преобразили мою заурядную внешность. Теперь Вирт не называл бы меня просто миленькой. Вирт...

– Дэйн, а что ты скажешь Совету Домов? Послу Ариза? Моим соотечественникам?

– Придумаю что-нибудь. Послу скажу правду. Барт отличный парень, хоть и аризец, он умеет держать язык за зубами.

Ты разозлилась из-за своего блондинчика?

– Из-за человека, в которого давно и безнадежно влюблена. Я надеялась, что эта поездка сблизит нас. И тут... ты!

– Он тебя не любит, – равнодушно замечает Дэйн.

– Много ты понимаешь! Сам-то хоть раз любил?

– Любовь – это бесполезное и бессмысленное чувство, которое адэну только мешает. Ставить интересы одного человека выше интересов мира – непозволительно.

– Лучше бы я послушала Сэртилайра, – вырывается у меня. – Нет, попёрлась за мечтой!

– У тебя в гостях был Сэрт? – Дэйн морщится. – Что, отговаривал ехать?

– Просил остаться в Аризе.

– Сэрт глуп. Слушает главу своего Дома и верит, что мир прекрасен. – Непередаваемая гримаса. – Подумаешь, от Деона осталась одна тысячная доля пригодной для проживания земли, и та под силовыми барьерами. Зато его Дом Лайр – первый по численности.

Зеркало тает в воздухе.

– Многие в Деоне довольны своим положением, Лика.

– Но не ты?

– Но не я.

Хмыкаю. А он тоже мог бы жить припеваючи – адэн как-никак.

– И каким образом ты собираешься уладить вопрос с моим исчезновением?

– Есть одна идея... Что, больше истерик не будет?

– Хочешь – могу устроить. Предпочитаешь оплеухи или безудержные рыдания?

Торжествующая усмешка.

– Всё-таки я в тебе не ошибся.

***

– Я... остаюсь в Деоне.

Сама не верю, что произнесла это вслух!

– Госпожа Керн, вы поступаете очень мужественно.

Взгляд господина Мерта сочувственный, если не сказать жалостливый. Обстановка его дома напоминает гостиницу – много света, простора, роскоши и живых цветов, только после вида настоящего Деона это режет взгляд. Смотрю на свои руки: они точно такие же, как и у посла Ариза – цвета золотистой бронзы. Экран визуала показывает пять вечера. За шесть часов я превратилась в деонку.

– Барт, Лика Керн должна умереть, – вмешивается Дэйн.

Сначала я замираю в ужасе, потом соображаю, что это он в переносном смысле. Фух...

– Мне известно, что для вас люди – лишь средство достигать желаемого, адэн Дэйнирайн, но я не ожидал, что вы относите к этой категории и моих соотечественников, – укоризненно качает головой господин Мерт. – Вы хоть примерно представляете уровень дипломатического скандала? Пра-

вительство Ариза не оставит смерть своей гражданки без внимания.

– Адэн Деона заплатит компенсацию в таком размере, что скандал утихнет. Займись этим немедленно.

Властный тон действует: Мерт пристально смотрит на меня, словно прикидывает, как поудобнее уложить в гроб.

– Мне придётся предъявить тело.

– Создам подобие. Лица, дай обручальное кольцо.

– Скажи «пожалуйста».

– Что?.. – теряется Дэйн.

– Попроси вежливо. Когда кто-то хочет что-то получить, он говорит «дай, пожалуйста».

Впалые щёки идут пятнами. Гнев или стыд?

– Дай, пожалуйста, кольцо.

Швыряю в него ободок, он ловит его на лету.

– Итэн!

– Впрочем, – светлеет господин Мерт, – возможно, общение с госпожой Керн пойдёт вам на пользу.

Дэйн его не слышит – увлечённо водит руками. Удивительно наблюдать, как воздух над ковром сгущается, принимает очертания тела. Белая кожа, соломенные волосы, светлые брови и ресницы, глубокие тени под глазами. Одежда – копия моей. Кольцо Дэйн надевает на безымянный палец безвольной руки.

– Оно болтается, – недовольно замечает он. – Твой блондинчик не мог купить тебе нормальное кольцо?

– Не твоё дело, – грубо отрезаю я.

Не собираюсь с ним деликатничать! Мало того что обошёл со мной как с вещью, теперь Вирт будет думать, что я мертва. И коллеги по институту, и господин Берк, и добрая соседка. А что меня ждёт в Деоне? Этот ненормальный адэн действует на свой страх и риск. Получается, я его сообщница?

– Всё, Барт, получай тело. Причину смерти придумай сам. Остановка сердца, разрыв сосуда головного мозга... Что там ещё бывает у людей?

– Совет вас сожрёт с потрохами, – посол Ариза тяжело вздыхает.

– Подавится или отравится. У меня и тушка жёсткая, и энергия ядовитая. Анэн, Барт.

«Анэн» – не просто спасибо, но и признание огромного долга.

– И что вы собираетесь делать дальше, масте Дэйнирайн?

– Не знаю, – следует беспечный ответ. – Надеюсь, Анда подскажет. Пока Лика будет жить в замке под моей защитой. Лика, признайся, ты хотела побывать в гостях у адэна? Твоя мечта сбылась.

Похоже, все мои мечты сбываются так, что больше я никогда ни о чём мечтать не буду – опасно.

– Господин Мерт, нельзя ли намекнуть моим спутникам, что я жива? – прошу без особой надежды на положительный ответ.

– Извините, госпожа Керн, нет. Иначе всё это, – посол указывает на тело, – напрасный труд. И я должен забрать ваш визуал... простите.

– Свои вещи, которые остались в гостинице, я тоже не получу? – осведомляюсь со всей возможной язвительностью.

– Я обеспечу тебя всем необходимым, – невозмутимо бросает Дэйн. – А скоро ты научишься пользоваться энергией и сама создашь себе всё, что захочешь.

На лице посла отражается странное чувство. Не смтение, не волнение, не раскаяние, но что-то близкое. Я не успеваю понять – Дэйн переносит нас обратно в замок. Мы оказываемся на самом верху одной из башен, отсюда открывается потрясающий вид. С такой высоты трещины в земле напоминают раскалённые докрасна ветви, словно огромное огненное дерево раскинулось на чёрном фоне. На горизонте я вижу бледную полусферу, рядом ещё три поменьше. Полоса дороги отсюда выглядит не толще волоса, вдали еле заметная фиолетовая дымка – в той стороне пролив.

– Башни моего замка – на сегодняшний день самые высокие точки Деона, – менторским тоном начинает Дэйн. – Гор у нас, как понимаешь, больше нет...

Перебиваю его:

– А тебе не надо твоими делами заниматься? Вроде ты правитель целой страны, а не экскурсовод-любитель.

– Благодарю за такую трогательную заботу о государственном благе, – золотые глаза сощуриваются, скрывая вспых-

нувший гнев. — Можешь считать, у меня сегодня выходной.

— Тогда продолжай, — милостиво разрешаю я.

Что мне терять? Я уже умерла, а с мёртвых какой спрос?

— Ты мне весь настрой сбила. Сама теперь рассказывай.

— О чём? — недоумеваю я.

— О себе. Я знаю лишь то, что было в списках от вашего института: Лика Нерс, по мужу Керн, двадцать шесть лет, диплом технолога, заведующая лабораторией мелкой бытовой техники, стрессоустойчива, коммуникабельна, бла-бла-бла.

— И чего тебе ещё надо?

— Родные есть?

— Нет. Родители погибли в аварии.

— Давно?

— Семь лет назад... Дэйн, зачем это?

Он хмурится.

— Что значит — «это»?

— Вопросы о моей личной жизни. Ты же стёр меня как личность. Ради зыбкого шанса на спасение Деона всё равно что убил. Для знакомых я трагически погибла, лабораторию в институте отдадут другому сотруднику, в моей квартире поселятся чужие люди, книги заберут в библиотеку, вещи выбросят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.